

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**МЕТОД:
МОСКОВСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК ТРУДОВ
ИЗ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ
ДИСЦИПЛИН**

**СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

ВЫПУСК 7

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ
В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ**

**МОСКВА
2017**

ББК 60; 66
М 54

**Центр перспективных методологий
социально-гуманитарных исследований**

Главный редактор – М. В. Ильин

Ответственные за выпуск – В.С. Авдонин, И.В. Фомин

М 54 **МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общество-
ведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр
перспект. методологий социал. и гуманит. исслед.; Ред. кол.:
М.В. Ильин (гл. ред.) и др. – М., 2017. – Вып. 7: Трансдис-
циплинарные методы в обществознании / Ред.-сост. вып.
Ильин М.В. – 431 с.
ISBN 978-5-248-00838-4**

В сборнике рассматривается мировой и отечественный опыт исследований в области методологической трансдисциплинарности. Обсуждаются и анализируются проблемы «когнитивных оснований» трансдисциплинарных методов в науке как они представлены в современной когнитивистике, философии и методологии науки. В качестве наиболее перспективных трансдисциплинарных методов или органонов-интеграторов, способствующих интеграции поля исследований в обществознании, рассматриваются методологические комплексы морфологии, семиотики, математики, а также лежащие в их основе «когнитивные универсалии».

Сборник предназначен для исследователей, научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов, интересующихся проблемами методологии социально-гуманитарных исследований.

ББК 60; 66

ISBN 978-5-248-00838-4

© ИНИОН РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

М.В. Ильин, В.С. Авдонин, И.В. Фомин. Методологический вызов. Где границы применимости методов? Каковы критерии их эффективности?	5
---	---

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ

И.В. Фомин. Семиотический фронтир: Сквозь глубины веков и границы дисциплин	25
В.С. Авдонин. От метаматематики к математическому органону	38
В.Г. Буданов. Трансдисциплинарные дискурсы постнеклассики. (Выступление на методологическом семинаре в ИНИОН РАН 1 ноября 2016 г.)	55
В.И. Моисеев. Образы постнеклассической интегральной философии (Лекция в ИНИОН РАН 27 сентября 2016 г.)	67

РОККАНОВСКАЯ ЛЕКЦИЯ

А.В. Кортаев. «Проблема Гэлтона»	100
--	-----

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Лингвистика и семиотика культурных трансферов. (Рецензия)	113
В.З. Демьянков. Языковые техники «трансфера знаний»	115
В.И. Постовалова. Пути и принципы трансферизации знания в гуманитарных науках	137
С.Т. Золян. Неопределенность и множественность перевода как проекция динамической семантики текста.	159

ВЛАСТЬ СМЫСЛА

Ли Ю. Общая семиотика как стратегия по междисциплинарной организации общественных наук: Общая семиотика против философского фундаментализма. (Реферат)	171
Международный справочник по семиотике / Под ред. П.П. Трифонаса. (Реферат)	175

Биосемиотика как наука: Коды, знаки, логические конфликты и порождение смысла. (Сводный реферат).....	190
П. Чилтон. Смысл безопасности. Пер. с англ. Е.И. Кочедыков, И.В. Фомин	204
Использование подхода социальной семиотики в мультимодальном анализе: Исследование обучения в школах, музеях и больницах / Дж. Беземер, С. Диамантопулу, К. Джюитт, Г. Кресс, Д. Маверс; Пер. с англ. под ред. Т.Ш. Адильбаева	227

ВЛАСТЬ УМА И ВЛАСТЬ ТЕЛА

М. Кеестра. «Нейронаучный» и «нарративный» повороты в объяснении биополитических порядков: Как нарративы и мозг обоюдно влияют друг на друга? Пер. с англ. И. Фомин, Р. Голуб	248
В.Ф. Петренко. Психосемантические методы анализа политического менталитета общества.....	259
М.Ю. Походай, А.В. Мячиков. Роль системы внимания в порождении предложений.....	271
К натуралистической теории коммуникации и происхождения языка. (Сводный реферат)	296
Д.А. Федосеева. Когнитивная теория метафоры и обзор имбодимент-подхода к познанию. (Обзор).....	306
Возможности и пределы познания: Вызовы когнитивной науки. Беседа с В.Ф. Петренко и В.З. Демьянковым	315

ВЛАСТЬ ФОРМЫ: БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОЦИЯ

Б.В. Межуев. Opus Magnus Вадима Цымбурского. Об издании материалов докторской диссертации В.М. Цымбурского	347
Аннотированная библиография М.С. Арчер по теории социального морфогенеза и рефлексивности	359
Теория социального морфогенеза и рефлексивности Маргарет Арчер. (Сводный реферат).....	365

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ АРХИВ НА ЗАВТРА

К. Шуберт. Инновации и порядок. Основы прагматической теории политики. Методические соображения.....	393
Аннотации.....	414
Сведения об авторах	428

М.В. Ильин, В.С. Авдонин, И.В. Фомин*

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ.
ГДЕ ГРАНИЦЫ ПРИМЕНИМОСТИ МЕТОДОВ?
КАКОВЫ КРИТЕРИИ ИХ ЭФФЕКТИВНОСТИ?**

Объявленная тема данного выпуска МЕТОДа – трансдисциплинарные методы в обществоведении. Этой проблематике наш ежегодник и готовящий его Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований уделяют самое пристальное внимание. Мы и наш авторский актив последовательно и систематически изучаем трансдисциплинарные исследовательские программы и методы, их когнитивные и эпистемологические основания с целью выделения и рационализации крупных методологических комплексов или, как мы их называем, органонов-интеграторов социально-гуманитарного знания. Эта работа отчасти нашла отражение в выпусках ежегодника № 4 «Поверх методологических границ», № 5 «Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении», № 6 «Способы представления знаний».

Эта важная подготовительная работа позволила не только выйти на фундаментальную проблематику трансдисциплинарности в науке, но и заострить внимание на ряде методологических проблем и вызовов. И первой в этом ряду является проблема дисциплинарных и методологических границ, которая находится в центре данного выпуска МЕТОДа.

Предметные и методологические границы

Предметные дисциплины уютно расположились в «ящичках», соответствующих предметам и объектам изучения. С методами ситуация не столь очевидна, однако и тут некое подобие «ящичков» налицо. Мы при-

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (РГНФ) в рамках научного проекта № 16-23-20009 «Семиотика политического дискурса: Трансдисциплинарный подход».

вычно разделяем методы на качественные и количественные. Последнее время в моду все больше входят смешанные методы, причем они зачастую определяются не столько смешением первых двух, сколько своей спецификой.

Путешествие из одного предметного «ящичка» в другой – дело если и не привычное, то достаточно распространенное и, казалось бы, понятное. Куда менее очевидны разграничения между большими группировками методов и отдельными частными методами вплоть до методик и техник исследования. Возникает целый ряд вопросов. Чем и насколько четко разграничиваются методы? Насколько данные разграничения сковывают исследователя, а насколько дают точку опоры для его работы? Что позволяет пересекать границы? Какие границы пересекаются легко, а какие с трудом? Почему? Как облегчить этот процесс?

Первое, что бросается в глаза, – это относительная проницаемость дисциплинарных границ для методов и методологических границ для предметных дисциплин. «Склейка» методологических и дисциплинарных границ, их взаимное «наложение» и подкрепление делают их жесткими и резистентными для внешних воздействий. Вероятно, существуют задачи, для решения которых в этом будет только благо. Однако немало и таких задач, которые требуют пересечения границ, как методологических, так и дисциплинарных.

Методологии между монизмом и плюрализмом

Многие исследователи добиваются ценных, а порой и выдающихся результатов за счет предельной фокусировки своих усилий, а также специализации и профессионализации своей деятельности. Их определяющей установкой вполне естественно становится монометодологичность или монометодологизм. В своем наиболее жестком и бескомпромиссном выражении данная установка превращается в методологический ригоризм, который предполагает, будто можно использовать лишь одну «подлинно научную» методологию и отвергать все остальные как порочные. Подобную позицию по аналогии с политическими порядками и стилями правления можно охарактеризовать как «методологическую диктатуру» или «методологический авторитаризм».

Вероятно, кому-то использование политических аналогий по отношению к науке может показаться натяжкой. Однако подобный ход коренным образом связан со всей соревновательной логикой современной науки. Она отчетливо проявляется в использовании Максом Вебером метафоры и когнитивной схемы парламентских прений для прояснения характера научной объективности, как это убедительно показал Кари Палонен в первом же выпуске нашего ежегодника (см.: [Вебер, 2010; Палонен, 2010; Ильин, 2010]).

Продолжим по примеру Вебера искать политические аналогии и развернемся от диктатуры к свободе. Действительно, многие ученые предпочитают свободу. Они в самом процессе исследования меняют направления своего поиска и обращаются к различным способам познания. Для них характерна полиметодологичность, или полиметодологизм. В своих крайних выражениях всякого рода ограничения воли и методологического выбора исследователя отменяются. Возникает некое подобие «методологического анархизма», своего рода методологическая вольница.

Срединное положение занимают исследователи, которые считают, что каждый предмет изучения, уровень анализа, исследовательские проблемы настолько специфичны или подчинены своей логике и смыслу, что и используемые методы должны соответствовать особенностям осуществляемых изысканий. Иными словами, методы и даже методологии пластичны. Они могут и должны модифицироваться при изменении масштабов, уровней или предмета изучения. Методологическая свобода творчества получает явный приоритет.

Такую позицию можно в терминах политики охарактеризовать как «методологический либерализм». Однако тут имеется в виду классический либерализм, который использовал когнитивную схему свободных и щедрых, «либеральных» (*liberales*) людей, которые готовы и способны благодетельствовать тех, кто несвободен по природе или в силу обстоятельств.

Нынешний либерализм не утратил, но добавил к базовой асимметрии другие схемы в результате своей экспансии и невольной идеологической гегемонии. К концу позапрошлого века едва ли не все в западном мире оказалось в большей или меньшей степени либерализовано. В конечном счете либерализм усвоил демократичные установки равенства и смикшировал их со своими исходными и прочими схемами. Такой обновленный и демократизировавшийся либерализм признает множественность исходных «свобод» и возможность их использования для эмансипации пока еще несвободных. В радикальных, либерально-демократических версиях допускается, что альтернативные возможности освобождения в принципе равны, хотя и не равны по своей фактической эффективности и результатам. Отягощенные формальным равенством либеральные принципы лежат в основе политического плюрализма.

По аналогии можно говорить о методологическом плюрализме. Он предполагает принципиально равнозначное соотношение исследовательских проектов и лежащих в их основе методологий при одновременной и обязательной соревновательности, которая позволяет оценивать валидность результатов и сама лежит в основе внешней валидности.

Соревновательность позволяет выявить несовершенство методов, их неполную или ограниченную валидность. Это в свою очередь ведет к поиску компромиссов и к соединению методов. Еще более смелое и радикальное решение – создание новых методов поверх или внутри компромиссных ме-

тодологических комплексов путем комбинирования методологических и предметных очищений и насыщений.

Методологический плюрализм – весьма привлекательный для нас в Центре перспективных методологий подход. Сопряженная с формированием новых или с оттачиванием уже вполне сложившихся методов междисциплинарность (интрадисциплинарность, метадисциплинарность и т.п.) в своих наиболее масштабных и претендующих на универсализм расширениях позволяет выйти на трансдисциплинарность.

Для нас неприемлемы методологический скептицизм и – еще больше – радикальный агностицизм, которые предполагают, будто методологическая рефлексия избыточна или даже бесполезна, а то и вредна. Это, увы, достаточно распространенная позиция среди коллег-прикладников, идеографов и даже части эмпириков, которые лишь в предметном материале ищут и находят источники своего творчества. Для данной позиции легко находится политическая аналогия. Вспомним, как в разгар перестройки в реформаторском (и не очень) Верховном Совете в ответ на призывы продумать и отработать правила и регламенты поведения раздавались гневные заявления – «делом заниматься нужно». Это очень хорошая аналогия: чего тут думать и обсуждать, надо действовать (пусть даже бессмысленно и разрушительно).

Лучшая аналогия

Продолжим использовать и углублять политические аналогии. В этом случае мы сможем выделить методологический демократизм как наиболее системную и последовательную версию методологического плюрализма. Именно ее мы бы назвали своей главной точкой опоры в поисках методологических органонов-интеграторов. Именно современная демократия способна дать наиболее близкую политическую аналогию нашим теоретико-методологическим установкам, поскольку исходит из признания принципиального и неискоренимого несовершенства всех своих «испытываемых» версий [Churchill, 1974, p. 7566], но при этом рассматривает метапроцедуры (процедурные принципы и алгоритмы) как «единственную забаву в околотке» (the only game in town) [Przeworski, 1991, p. 26; Пршеворский, 1999, с. 47].

Демократическая аналогия страдает еще одним недостатком. Наши претензии на методологическую демократичность выглядят анахронизмом. Похоже на то, что сделал Чарльз Тилли: во всеоружии нынешней демократической теории спустился во времена раннего Модерна, огляделся кругом и не нашел в 1650 г. никаких признаков современной демократии [Tilly, 2004, p. 42 ff]. Также и мы с усовершенствованными идеями методологического плюрализма погружаемся в среду, где господствует мето-

дологический скептицизм, подпертый с одного края методологическим авторитаризмом, а с другого – методологическим анархизмом.

Для Тилли волны демократизации все еще впереди. Они даже не на повестке дня. Пока не приходится мечтать о чем-то большем, чем подобие конституционного порядка. Первая современная конституция – британская – появится поколение спустя, после Славной революции 1688 г. Пока же остается вести лишь интеллектуальные поиски базовых конституционных принципов, прежде всего разделения властей, т.е. прерогатив и полномочий суверенной государственной власти. Вот яркий пример. Составленный летом 1642 г. сэром Джоном Коулпепером и Льюшесом Кэри, виконтом Фолклендом, и навязанный ими королю «Ответ Его Величества на 19 предложений обеих палат парламента» [His Majesties Answer..., 1642] в самом общем виде, но отчетливо фиксировал принцип разделения властей между сувереном, лордами и общинами. Он стал важнейшей вехой в истории британского конституционализма [Weston, 1956; Weston, 1960; Weston, 2010]. Однако идеи разделения властей обе противоборствующие стороны не захотели воспринять и буквально загнали страну в гражданскую войну.

Пройдет еще поколение до фактического принятия схемы Коулпепера–Фолкленда после и в результате Славной революции 1688 г. А затем, еще два поколения до того, как в 1748 г. в своем трактате «Дух законов» Шарль-Луи Монтескье предложит знаменитую политическую триаду (*trias politica*), основанную на функциональной трактовке разделения прерогатив и полномочий суверенной власти.

В нашем случае речь в первую очередь может идти об основополагающем разделении фундаментальных, претендующих на универсализм и всеобщность методов. Наши органы-интеграторы – это скорее предвосхищение того, что может быть достигнуто в универсальном упорядочивании и, главное, достраивании больших методологических комплексов.

По нашему глубокому убеждению, придать нынешнему полю научной методологии черты развитой современности нельзя одним лишь героическим усилием. Великий скачок невозможен. Долгий и извилистый путь идет через развитие «методологического демократизма» в малых масштабах междисциплинарных интеграционных процессов, например в таких областях, как биосемиотика, биосоциальная эволюция, сравнительные морфологические исследования и т.п. Об этом речь пойдет особо. Пока же предпримем попытку наметить общие рамки для этой работы, хотя бы предварительно очертить контуры возможных очищенных версий органов-интеграторов.

Три трансдисциплинарных методологических комплекса: Математика, морфология и семиотика

Уже в предыдущих выпусках МЕТОДа, а также в анонсе нынешнего седьмого выпуска нашего ежегодника мы упорно сосредоточиваем внимание на математике, семиотике и морфологии. Они рассматриваются как крупные методологические комплексы, которые в наибольшей степени способны выступить в роли органонов-интеграторов. Наши рассуждения при этом невольно создают иллюзию, будто эти комплексы уже существуют как предмет наших изысканий. На деле мы рассуждаем скорее о некоем методологическом потенциале, чем о действительных и уже полномасштабно реализуемых познавательных способностях. Даже охват, состав и внутренняя структура того, что мы поспешно назвали органонами, остаются неясными и порой просто загадочными. И наше уточнение – интеграторы – тоже является поспешным. Фактически интеграция скорее лишь намечается, да и то крайне неравномерно и противоречиво в каждом из рассматриваемых пространств – в одних, как в математике, гораздо больше, а в других – существенно слабее и однобоко.

В настоящее время математика получила наиболее полное и последовательное развитие. Ее основные отрасли начали формироваться уже в глубокой древности. Около двух тысячелетий назад зародились представления об особом математическом знании. А в последние пять-шесть веков началось его весьма интенсивное и довольно систематическое развитие с претензией на превращение в своего рода науку наук. Результатом этого развития стал целый комплекс математических наук и их приложений в отдельных предметных областях науки и практики.

Развитие математики продолжается. Все активнее и дальше идет процесс математизации отдельных дисциплин и целых наук. Математика вновь, как на заре первой научной революции, начинает проявлять свой потенциал трансдисциплинарного органонона. В начале XX в. это было осознано в самой математике в виде формирования в ней рефлексивной области метаматематики. Это была попытка понять математику как органонон логико-математическими средствами. Но здесь возникли проблемы, например были обнаружены ограничительные теоремы метаматематики. Возможно, что для понимания математики как органонона нужен другой, расширенный арсенал методов и методологий.

Морфологические изыскания можно обнаружить в почти столь же глубокой древности. Их развитие было поступательным, но неравномерным и выборочным. Оно затрагивало преимущественно области, где наглядность и пластичность форм были наиболее зримы и ощутимы, – от биологии и медицины до эстетики и от риторики до юриспруденции. При этом морфологическое знание было столь тесно переплетено со своей предметностью, что зачастую оказывалось скрытым, тайным. Эта особенность столь укоренена, что мощно сказывается по сей день. Как бы то ни

было, но уже свыше двух столетий начинается собственное развитие морфологии как особого типа познания, благодаря титаническому прорыву, осуществленному И.В. Гёте и плеяде его выдающихся морфологов времен зрелого Просвещения.

Ныне морфологический комплекс наук существует как довольно сильно фрагментированное созвездие вполне самостоятельных дисциплин. Это, например, биологическая морфология, несколько медицинских морфологий, геоморфология, лингвистическая морфология, в свою очередь высоко фрагментированная по предметам – отдельным языкам. Характерно, что первая часть их названий указывает на предмет, а вторая – на метод. Однако при этом метод высоко специализирован и приспособлен к предмету, насыщен предметностью.

Рядом с этими звездами – дисциплинами первой величины роятся чуть менее консолидированные и самостоятельные дисциплины, включая морфологию искусства и целый ряд субдисциплин, от морфологии сказки до морфологии наноструктур. Характерно, что теперь в самом термине уже на первое место выходит морфология, а очень четкий и даже узкий предмет занимает второе место.

Наконец, в созвездии есть и морфологические звезды разной величины, которые пытаются мигать чужим, неморфологическим светом. Это как раз те дисциплины, которые рано и успешно мимикрировали под некое сугубо специальное знание. Это де-факто юридическая морфология, именующая себя конституционализмом. Это политическая морфология, встроенная в становящийся почти безбрежным институционализм, исторически вырастающий из учений о формах правления.

Таким образом, при всей своей успешной экспансии морфология остается далекой не только от выработки общих методологических принципов и практик, но и от взаимного понимания между отдельными морфологиями – явными или скрытыми, некоторые из которых де-факто остаются герметическими.

Семиотика еще «моложе» морфологии, хотя некоторые ее идеи восходят к античным временам. В строгом смысле она возникла всего полтора столетия назад, если вести отсчет от систематики Чарльза Пирса, и всего семь десятилетий – если за отправную точку взять зрелые труды Чарльза Морриса. Именно им была сформулирована, но не решена задача создания «чистой» семиотики. И сегодня эта мечта Чарльза Морриса все еще далека от реализации, хотя некоторое подобие «моррисовского» аппарата принимается с большей или меньшей полнотой практически во всех семиотических субдисциплинах. В настоящее время семиотика встроена в инструментарию лингвистики, культурологии и искусствоведения, а также существует в виде политической семиотики, психосемиотики в виде, например, психосемантики, социальной и антропологической семиотики и др. Она оказалась способной консолидировать всего лишь ряд вполне развитых субдисциплин.

Каким же образом можно подойти к задаче очерчивания общих методологических контуров трех органонов-интеграторов? Возможны разные пути и их сочетание.

Можно идти мелкими шагами, соединяя близкие или вообще смежные дисциплины и субдисциплины. Дело это кропотливое, трудоемкое и очень долговременное. Оно не под силу отдельным коллективам, тем более одной команде исследователей. Тут требуется целая сеть взаимосвязанных проектов, постепенно, методично и точно заполняющих методологические лакуны и зазоры между дисциплинами.

Другой подход предполагает поиски и выявление фундаментальных оснований органонов благодаря очищению связанных с ними методологических практик от предметности, а также за счет концентрации на их общем инструментальном потенциале. При этом возникает развилка, за которой открываются две возможности. Одна состоит в том, чтобы выстраивать претендующие на универсализм рамки на основе чисто теоретических посылок, как это делается, например, в метаматематике. Другая заключается в том, чтобы попытаться пробиться к элементарным, а потому всеобщим, универсальным человеческим способностям, как это делает когнитивистика, а сегодня, на свой манер, также и нейронаука. Эти способности могут показаться примитивными, однако все они так или иначе используются в научных исследованиях в многократно усложненном и преобразованном виде.

Наконец, возможны промежуточные поиски, занимающие среднее положение между локальными и универсалистскими. В их основе лежат масштабные методологические синтезы дисциплин и субдисциплин, которые могут быть далеки друг от друга, но которые вовлечены в решение общих исследовательских проектов. Тут становятся возможны неочевидные методологические решения, которые при всей своей конкретности связаны с очень широкими и общезначимыми исследовательскими способностями.

Следует, конечно, использовать все эти четыре типа подходов во всех их возможных разновидностях. Вопрос в том, что по силам нашему Центру перспективных методологий и ежегоднику МЕТОД.

Фундаментальные познавательные способности

В нынешние времена задача выявить базовые, а значит, всеобщие человеческие способности начинает превращаться из теоретико-философской во вполне эмпирическую и даже экспериментальную. Организмы людей и других живых существ ограничены в своих возможностях. Однако эти ограничения и являются отправным моментом и для жизнедеятельности в целом, и для развития способности и готовности к действию – в перспективе сознательному.

У людей есть по меньшей мере пять чувств. С их помощью можно или видеть, или слышать, или еще каким-то образом ощущать свое существование. Поступающие возбуждения преобразуются в восприятия. Наши сенсорииумы, седалища ощущений, отсеивают «шумы» и сохраняют ценное и важное для нас. С этого все начинается. Именно в сенсорииумах формируются зачатки способностей, которые со временем становятся когнитивными. Как это происходит, пока большая загадка. Над ее решением работают нейронаука и некоторые другие отрасли когнитивистики. Во всяком случае, сейчас все большее число коллег не устраивает простая констатация в духе Хомского, что наши когнитивные, а тем более языковые способности являются просто врожденными.

В ходе наших дискуссий в Центре, а также в ходе бесед с более компетентными коллегами-когнитивистами у нас появились смутные, но вдохновляющие нас предположения о возможностях выращивания мыслительных способностей – и научных методологий в конечном счете – из нашей биологической чувственности. У нас есть по крайней мере пять, а может быть, и больше сенсорииумов – с учетом безотчетного для большинства людей чувства гравитации, атмосферного давления, электромагнитных полей, включая геомагнитное поле нашей планеты. Вероятно, для дальнейшего отсеивания «шумов» и концентрации полезной информации о нашей внешней и внутренней среде могут формироваться новые сенсорииумы второго порядка. Скажем, передача отсортированной уже информации с сетчатки глаза в нервную систему осуществляется также избирательно. До нервной системы и мозга доходят буквально доли процента информации. И даже та, что была считана, используется избирательно, неполно и, можно сказать, предвзято. Однако сами это ограничения превращаются в способность отбраковывать огромную массу несущественной информации (см. подробнее: [Ильин, 2016]). Так, вероятно, и возникают сенсорииумы второго порядка, которые уже не только сенсорииумы, но также и процессоры-сортировщики в придачу.

К проблематике подобного рода и к ее значению для методологии социально-гуманитарных исследований мы уже обращались в предыдущем выпуске МЕТОДа, посвященном способам представления знаний. Не беремся судить, что происходит дальше, в головном мозге. Это сфера нейронауки. Можем только предположить, что там по аналогии возникают еще более тонкие процессоры, может быть, даже выстраиваются их цепочки, передающие информацию, как эстафету, друг другу. Весьма вероятно, что тут важную роль играют зеркальные нейроны. Информация может копироваться и неоднократно проверяться, «просеиваться». Исходный «биологический» мозг дополняется «социальным», а также «экологическим» мозгом, становится биосоциально-экологическим (см. реферат «К натуралистической теории коммуникации и происхождения языка» в наст. изд.).

Вне зависимости от деталей и фактических результатов эволюции высшей нервной деятельности людей просматриваются общие принципы

развития, которые как раз и важны нам в процессе поиска истоков базовых когнитивных способностей, а значит, и оснований, рамочных контуров для органонов-интеграторов научного познания. Можно полагать, что возникающие в ходе эволюции когнитивные способности образуют ядро или даже ядра своего инструментального использования.

В ходе обсуждений мы предположили, что ядра образуются на базе специфических сенсориумов и обеспечивают консолидацию соответствующих комплексов человеческих способностей. Отсюда проистекают индивидуальные таланты людей, обладающих непревзойденным голосом, слухом, обонянием и т.п. Можно высказать еще более смелое предположение, что на более продвинутых этапах развития человеческого поведения, связанных с формированием мышления и речи, появляются новые собственно когнитивные ядра. Побудительными моментами их образования служат уже не столько телесные ограничения-возможности, сколько ориентация на результаты когнитивной деятельности.

Ядра слоисты. В самой их глубине лежат самые первые и простые способности, затем – слой за слоем полученные в ходе эволюции. Они закрепляются уже как инструментальные (методологические в пределе) интеллектуальные или когнитивные способности.

Откуда эти способности берутся? Из крайне подвижной и эфемерной внешней обволакивающей поверхности самих процессов когниции, речемышления, отдельных развитых практик мышления и речи. Эта оболочка включает случайные усилия, работающие по принципу проб и ошибок.

Ядро и оболочка возникают, вероятно, в общей нерасчлененной рече-мыслительной деятельности в виде «зеркаленья», «отражения» (вспомним марксизм), петель обратной связи, припоминания-узнавания, рекурсии как зародыша рефлексивности, а тем самым – позднейшей синтетической медитации и аналитической рефлексии.

Затем, на каком-то очень раннем этапе, начинается специализация в зависимости от типа практик, их сенсорного наполнения, а главное – ориентации на полезный результат. Специфическая сенсорика, сенсорная субстанция становится материей и источником рече-мыслительных практик, нацеленных на эффективную коммуникацию. Соответствующие усилия «зеркалят» субстанцию, умножают и рекурсивно соединяют в новые комбинации.

Субстанция, на которой фиксируется внимание, может восприниматься с точки зрения полезного результата, например, градуированная относительно размера, силы, веса, вкуса, громкости, яркости и т.п. Тогда появляются конкретные различия относительных количеств (больше – меньше) или качеств, потом их разного рода заменители, репрезентации, аналитические «различители» и, наконец, более изощренные образования – числа, множества или иные меры, а в конце концов зарождаются способности сосчитать или измерить.

Аналогичным образом отдельные моменты сенсорных субстанций (зрительных, звуковых, тактильных, вкусовых и т.п.) могут отождествляться с самими собой или с равными себе. В результате конкретные ситуативные (индивидуальные) отождествления порождают образы, затем их разного рода заменители, репрезентации, синтезирующие «отождествляторы», потом иконы, индексы, символы и т.п., затем знаки и их смыслы для семиотики.

Точно так же отдельные моменты сенсорных субстанций (зрительных, звуковых, тактильных, вкусовых и т.п.) могут различаться, но соотноситься, сравниваться, образуя ряды сходств и различий. Тогда конкретные сенсорные явления, затем их разного рода заменители и аналоги – пусть даже существенно отличные друг от друга, – репрезентации, «припоминания», превращаются в ряды конфигураций (будущие парадигмы), «облики» и, наконец, формы.

Накладывание на ядра все новых оболочек, превращение их в периферии, наложение новых оболочек и бесконечное продолжение наращивания «снежного кома» ведет к «отжиманию» ядра, его все более четкой структуризации. Можно догадываться, что обратные импульсы из ядра структурируют весь наш интеллект, который становится все более сложным. Эти обратные воздействия, очевидно, не могут быть преобладающими. Основная масса сосредоточена в обволакивающих оболочках «свежей» субстанции. Ядро же «десубстантивизировано», оно подвергается виртуализации, или очищению, в нашей терминологии.

Особый интерес для нас представляют собственно когнитивные ядра, сформировавшиеся и развивающиеся, как мы думаем, благодаря ориентации на результаты когнитивной деятельности. Что это за вторичные, собственно когнитивные ядра, обеспечивающие целенаправленную собственно человеческую деятельность? Точного или, во всяком случае, научно обоснованного ответа когнитивистика пока не дает. Мы, однако, рискуем поторопиться и высказать крайне смелое предположение, что они связаны с освоением людьми мерных порядков, форм и смыслов.

Три трансдисциплинарных органа изучения мерных порядков, форм и смыслов

Итак, теперь обратимся к нашему предмету – большим трансдисциплинарным комплексам научных методов – с еще одной стороны. Мы взглянули на него с точки зрения исследовательской практики и сложившегося дисциплинарного членения. Затем рассмотрели под углом зрения базовых когнитивных способностей. Теперь настал черед обратиться к их связям с исследовательскими установками и ожидаемыми результатами. И здесь нашим подспорьем становится замечательная традиция систематического анализа когнитивных способностей в философии и логике.

Ключевой фигурой здесь является Иммануил Кант, а содержательной точкой опоры – различение мыслительных способностей, связанных с чистым и практическим разумом, а также со способностью суждения.

В третьей из своих критик Кант приводит сводную таблицу обобщенных способностей души (*Gesamte Vermögen des Gemüts*) [Kant, 1913, S. 198; Кант, 1966, с. 199]. Мы бы теперь сказали – когнитивных способностей в широком смысле. Кант выделяет три разновидности способностей: собственно познавательные, чувство удовольствия и неудовольствия и способность желания. Каждую из этих способностей он соотносит с присущим ей априорным принципом и с предметом применения соответствующей способности. Вот эта таблица.

Таблица 1

Способности души в совокупности	Познавательные способности	Априорные принципы	Применение к
Познавательные способности	Рассудок	Закономерность	природе
Чувство удовольствия и неудовольствия	Способность суждения	Целесообразность	искусству
Способность желания	Разум	Конечная цель	свободе

Попробуем дать свою трактовку кантовского членения, развернув ее к нашей проблематике трансдисциплинарных (универсальных, по Канту) методов научного исследования.

Первой познавательной способностью является рассудок (*Verstand*). Он обращен к природе (*Natur*), реальности, миру вещей. Рассудок использует априорный принцип закономерности (*Gesetzmäßigkeit*). В развитие кантовской логики отметим, что он основан на мере и нацелен на изучение мерных порядков. Естественно, его предельным научным выражением становится математика.

Нашим вторым когнитивным могуществом является способность суждения (*Urteilkraft*). По Канту, она обращена к искусству (*Kunst*) в самом широком смысле, т.е. к созданию человеческих артефактов, к действительности. Ее принцип – целесообразность (*Zweckmäßigkeit*), что явственно перекликается с политической стороной жизни, с целедостижением. Соответственно, основанием выступает форма и научным выражением – морфология.

Третья способность – разум (*Vernunft*). Он обращен к свободе (*Freiheit*). Его априорным принципом является конечная цель (*Endzweck*). В таком случае – снова дополним Канта – его основание составляет смысл, а научное выражение – семиотика.

Дополним теперь кантовскую таблицу своими расширениями.

Таблица 2

У Канта				У нас	
Способности души в совокупности	Познавательные способности	Априорные принципы	Применение к	Основание	Органоны
Познавательные способности	Рассудок	Закономерность	природе	Мера	Математика
Чувство удовольствия и неудовольствия	Способность суждения	Целесообразность	искусству	Форма	Морфология
Способность желания	Разум	Конечная цель	свободе	Смысл	Семиотика

Настроенные скептически коллеги, а особенно коллеги, склонные к методологическому скептицизму или даже агностицизму, объявят и данную таблицу, и стоящие за ней аналитические построения пустым умствованием. Не будем вступать в спор. Он потребовал бы отдельного и весьма трудоемкого теоретического обоснования. Ограничимся лишь указанием на то, что и само кантовское членение, и его критики, и наше дополнение находят подкрепление в весьма сходных попытках дать чисто теоретическое представление о совокупных способностях человеческого мышления.

Вот лишь два примера. Оба вполне самостоятельны. Один принадлежит Джону Локку, а другой – Чарльзу Сэндерсу Пирсу.

Свой «Опыт о человеческом разумении» (1690) Локк завершает главой о разделении наук. Он выделяет три ветви познания как такового. Это физика – «знание о вещах» (the knowledge of things). Это практика – «умением правильно прилагать наши силы и действия для достижения благих и полезных вещей» (the skill of right applying our own powers and actions, for the attainment of things good and useful). Это, наконец, семиотика (Semeiotike) как «учение о знаках» (the doctrine of signs) [Locke, 1995, IV:XXI; Локк, 1985, с. 200–201].

В своей ранней работе 1865 г. «Телеологическая логика» Пирс разделил всю науку на три большие разновидности: позитивную науку (изучение вещей), семиотику (изучение представлений) и формальную науку (изучение форм) [Peirce, 1982, p. 303–304]. В более поздних работах он идет еще дальше и в развитие кантовских идей выделяет нечто более абстрактное и удобное для аналитической работы, чем обобщенные способности души. Это фундаментальные категории: первичность (firstness), или непосредственное качество ощущения; вторичность (secondness), или дуальность факта; взаимодействие субъекта и объекта, третичность (thirdness), или медиация, посредование [Пирс, 2000, с. 163].

В своем письме к замечательной английской мыслительнице, создательнице сигнифики, особой версии семиотики, леди Виктори Уэлби он

поясняет связь своих фундаментальных «ксенопифагорейских категорий» с философской традицией. Они, пишет Пирс, «несомненно, являются попыткой охарактеризовать то, что пытался охарактеризовать Гегель как три стадии мысли. Они также соответствуют трем категориям каждой из четырех триад Кантовой таблицы». Это как раз те категории и триады, о которых только что шла речь выше. И далее Пирс продолжает: «Но тот факт, что эти три различные попытки были сделаны независимо друг от друга (сходство указанных категорий с гегелевскими стадиями оставалось незамеченным еще в течение многих лет после того, как их список был продуман, в силу моей антипатии к Гегелю), лишь еще раз подтверждает, что эти три элемента существуют в действительности» [Пирс, 2000, с. 164]. Итак, пирсовские категории при всей их абстрактности, кантовские обобщенные способности души и локковские универсальные науки существуют в действительности. Причем существуют они куда надежнее, чем преходящие факты и явления, при всей конкретности и даже осязаемости последних. Чем же оборачиваются для нас, современных людей науки, эти три универсалии? Тремя методологическими органами – интеграторами познания. Это математика, познание мер и искусство различных измерений вещей. Это морфология, познание форм и искусство выявления отношений и их конфигураций. Это семиотика, познание смыслов и искусство передачи смыслов, посредования, коммуникации. В конечном счете это искусство превращения вещей и форм в наше человеческое осмысленное достояние, их присвоение и тем самым освобождение, делание своим.

Обращение к еще более широкому кругу теоретической и науковедческой литературы, а также наши собственные разработки подтверждают, что интеллектуальная деятельность и научные методологии так или иначе развивают фундаментальные познавательные способности, связанные с освоением размерностей, смыслов и форм жизненных явлений.

Соблазнительно провести аналогию между трихотомической структурой органов, которую наметили И. Кант, Ч.С. Пирс и другие выдающиеся умы, и нынешним грубым различием количественных, качественных и «смешанных» методов. Критически проверить эту аналогию, выявить действительные сходства, различия и прочие соотношения между морфологией и конфигуративными методами, семиотикой и качественными методами – дело последующих исследований. Это тем более так, поскольку было бы преждевременно ожидать быстрой интеграции целостных областей морфологии или семиотики. Более прагматично сосредоточиться на консолидации отдельных ключевых ядер. В их числе – преобразование неонституционалистских парадигм в морфологические, соединение биологических и лингвистических морфологий, а также развитие биосемиотики и биополитики.

Точки методологического роста

Теперь настала пора обратиться к состоявшимся или только намечающимся, но вполне реальным проектам методологической интеграции в относительно скромных масштабах нескольких дисциплин, порой даже 2–3, но связанных с проявлением потенциала органонов-интеграторов. Впрочем, не менее важным было бы критически переосмыслить сложившиеся дисциплинарные и субдисциплинарные методологии под углом знания морфологии и семиотики¹.

Одна из наиболее важных задач подобного рода – это «возвращение» в сферу морфологии разного рода институционализмов и структурализмов. Собственно, они там были лишь в принципиальном методологическом смысле, который только начинает проясняться. Не более того. Фактически же связь с морфологией как особым способом мышления и методологической парадигмой никем из представителей соответствующих субдисциплин и школ, насколько нам известно, не только не артикулировалась, но и не сознавалась.

Мы прекрасно отдаем себе отчет в том, что попытки приступить к решению данной задачи будут равносильны настоящей революции в социальных науках, скорее даже целой серии революций, если учитывать многообразие институционализмов и структурализмов, многочисленность и своеобразие их дисциплинарных вариантов, а также версий различных школ и даже отдельных авторов. Трудно ожидать, разумеется, больше 2–3 попыток методологического переворота или в лучшем случае подобия путчей. Однако мы вполне сознательно нацелены на то, чтобы предпринять нечто подобное в политической науке. Фактически подготовка подобного переворота, а точнее, превращения исторического институционализма в эволюционный институционализм и затем в эволюционную морфологию политики уже начата нашим немецким коллегой и автором МЕТОДа Вернером Патцельтом [Патцельт, 2015]. Не чужд подобных революционных устремлений один из авторов данной статьи, еще с середины 1990-х годов разрабатывающий методологию хронополитического анализа [Ильин, 1995] и в последние годы открыто признающий свое морфологическое первородство. В прошлом году на Всемирном конгрессе политической науки в Познани М.В. Ильин и его молодая коллега А.В. Самородова сделали доклад о новых подходах к морфологическому анализу политического развития.

Не менее амбициозной могла бы стать задача выработки интерфейса между наиболее развитыми традициями дисциплинарного освоения морфо-

---

¹ В значительной степени именно этими идеями вдохновлен проект «Трансфер знаний и конвергенция методологических традиций: Опыт междисциплинарной интеграции политических, биологических и лингвистических исследований», который начинает осуществляться в этом году в нашем Центре при поддержке Российского научного фонда (№17-18-01536).

логии, например лингвистической и биологической. Определенные возможности открываются, по нашему мнению, при соотнесении и взаимном переосмыслении методологических подходов сравнительно-исторического языкознания и эволюционной биологии развития. Весьма многообещающей была бы выработка для начала перевода ключевых понятий и принципов с одного методологического языка на другой. Можно было бы предпринять также более широкую по дисциплинарному охвату попытку морфологического переосмысления социальных и биологических трансформаций в терминах внутренней и внешней формы, дивергенции и конвергенции.

Попутной, но крайне серьезной и трудоемкой задачей было бы изучение «зеркальных» когнитивных схем, используемых в биологии и социальных науках, которые отражаются, например, в биологической метафоре «государства клеток» и социальной «общественного организма».

Семиотика также способна немало предложить для методологической рационализации отдельных направлений социальных исследований и придания их эклектичным методам и методикам, сильно отягощенным довольно случайными и даже произвольными предметными искажениями, целостности и последовательности. Один из очевидных примеров связан с консолидацией методологических оснований для такого бурно развивающегося направления, как политика памяти. Другая возможность предполагает рационализацию анализа изменений и трансформаций политических режимов и порядков с использованием аппарата семиотики и отдельных приемов критического анализа дискурсов, связанного, например, с изучением политических нарративов и перформативов, а также мультимодального анализа социальной коммуникации. Впрочем, хорошей площадкой для соответствующего методологического интерфейса могла бы быть социальная семиотика.

Важнейшим, во многих отношениях прорывным направлением методологических новаций уже в течение ряда лет является биосемиотика. В настоящее время это уже вполне сложившаяся область междисциплинарного интерфейса биологии и семиотики, внутри которой вполне отчетливо формируются направления научного поиска, своего рода субдисциплины.

Одно такое направление связано с лингвистическим прочтением генетического кода, восходящее еще к идеям Романа Jakobson [Jakobson, 1970]. Важным вкладом в эту традицию стали работы нашего постоянного автора С.Т. Золяна, а также Калеви Кулля, реферат статьи которого публикуется в нынешнем выпуске МЕТОДа.

Другим важным направлением биосемиотики является изучение информационного обмена, «коммуникации» живых организмов разного рода и их экосистем. Здесь также существует огромное поле для взаимодействия и выработки собственно семиотического инструментария анализа.

Отчасти пересекается с проблематикой биосемиотики – или, скорее, дополняет ее – биополитика. Она включает по меньшей мере пять основных направлений или «рубрик», как показывает М. Кеестра (см. реферат в

нынешнем выпуске): вариант «более биологически ориентированной политической науки»; касающиеся биологии вопросы публичной политики; физиологические параметры политических взглядов и поведения; влияние физиологических факторов на политическое поведение; унаследованные людьми эволюционные качества, которые имеют значение для политики.

Отметим, что С.Т. Золян в настоящее время выступил с новой научной идеей, которая связана с трактовкой текста в широком семиотическом понимании как организма и организма как текста. Это позволяет, по его мнению, рассматривать семиотику именно как модель (язык) организации саморазвивающихся систем, а метасемиотику – как конвертирующую систему, способную преобразовывать описания различных саморазвивающихся систем в инвариантных форме, обладающих изоморфизмом. Здесь намечается интерфейс не только биологии с социальными науками, но также семиотики и морфологии. Ядром же интерфейса становится изучение способов «перевода». К данной проблематике подводит нас и статья самого С.Т. Золяна в данном выпуске, и целая рубрика, посвященная трансферу знаний в современных социальных и гуманитарных науках. Однако об этом подробнее в следующем разделе о структуре нынешнего выпуска.

Состав ежегодника

В открывающей номер рубрике «Методологические альтернативы» представлены четыре материала. Первые два продолжают и развивают это введение. Иван Фомин в своей статье обсуждает историю расширения предметных границ семиотики и динамику ее становления в качестве трансдисциплинарной методологии. Владимир Авдонин предлагает применить парадигму когнитивистики в исследовании математики (математического органа), предварительно протестировав в этом плане также и метаматематический подход. В получившемся сопоставлении он видит определенные преимущества, которые может дать «скрещивающее наложение» обоих подходов.

В записи выступления в Центре известного российского исследователя в области философии науки и техники Владимира Буданова проблема трансдисциплинарности предстает скорее в традиционном ключе. Этот философ достаточно скептичен – трансдисциплинарность, междисциплинарность в науке – весьма проблемны, тон пока продолжает задавать дисциплинарная наука, которая не собирается уступать свои позиции.

Рубрику завершает состоявшаяся в сентябре 2016 г. в ИНИОН РАН лекция В.И. Моисеева, посвященная возможностям выработки логики трансдисциплинарной интеграции на основе философии всеединства.

Следующая рубрика посвящена трансферу знания. Ее открывает статья известного нидерландского ученого, президента Ассоциации междисциплинарных исследований М. Кеестры «Как нарративы и мозг обо-

одно влияют друг на друга. Использование «нейронаучного поворота» и «нарративного поворота» в объяснении биополитических порядков». Мы знакомим читателей МЕТОДа также с текстами из масштабной коллективной монографии, посвященной проблемам семиотики трансферов. В двух публикуемых фрагментах В.И. Постовалова и В.З. Демьянков детально систематизируют принципы и техники «перевода» знаний между языками различных дисциплин.

Эта тема получает дальнейшее развитие и конкретизацию в статье С.Т. Золяна «Неопределенность и множественность перевода как проекция динамической семантики текста». Он рассматривает различные подходы к переводимости, а значит, и трансферу, на, казалось бы, хорошо исследованном и традиционном материале – это межъязыковой перевод. Золян развивает высказанную еще 1813 г. Ф. Шлейермахером идею о том, что пределы переводимости, равно как и критерии, по которым оценивается перевод, будут различаться в зависимости от метода и не сводимы к единой обобщающей теории. Эти идеи получили известность как принцип неопределенности перевода (Виллард Куайн), причем принято считать, что они относятся скорее к вопросам конгруэнтности научных теорий. В статье предлагается «метатеория переводоведческой относительности» как средство соотнесения методологически принципиально различающихся и взаимодополняющих концепций – лингвистических, семиотических и герменевтических, – сближающихся на основе семейного сходства теорий. При этом «непереводимость» из ограничения становится ресурсом для порождения новых смыслов.

В нашей когнитивистской рубрике в центре внимания – соотношения мышления и речи. Мы публикуем статью давнего члена интеллектуального круга нашего центра В.Ф. Петренко «Психосемантические методы анализа политического менталитета общества». За ней следует статья новых авторов МЕТОДа М.Ю. Походая и А.В. Мячикова «Роль системы внимания в порождении речи». Рубрику завершает серия рефератов, посвященных современным исследованиям биологических и социальных оснований коммуникации.

Нашу семиотическую рубрику открывает своего рода манифест вице-президента Международной ассоциации семиотических исследований Ли Ючжэна, посвященный проблемам и перспективам становления общей семиотики в роли интегрирующей научной методологии. За ней следует реферат опубликованного в 2015 г. фундаментального «Международного справочника по семиотике». Этот масштабный многостраничный труд охватывает широкий комплекс вопросов – от обсуждения проблем развития общей семиотики до насыщенных семиотик различных предметных областей.

Продолжают тему три материала, иллюстрирующие возможности использования семиотического аппарата в самых разных предметных областях: от педагогики и политической науки – и до биологии. Это принципиальная методологическая статья большого коллектива авторов, состав-

ляющих своего рода ядро мощно развивающегося научного направления мультимодального анализа. Далее следует сводный реферат о биосемиотике. Наконец, завершает рубрику статья нашего давнего коллеги Поля Чилтона, с творчеством которого читатели МЕТОДа продолжают знакомиться.

Традиционную для МЕТОДа роккановскую лекцию представляет активный участник нашего Центра, блестящий и многосторонний ученый А.В. Коротяев. Он рассказывает о том, как превратить известную «проблему Гэлтона» в важный методологический актив за счет использования сетевой автокорреляции.

В нашем традиционном «Интеллектуальном архиве на завтра» публикуется методологически очень полезный, на наш взгляд, фрагмент из работы немецкого политолога и методолога Клауса Шуберта «Инновации и порядок», вызвавшей в свое время дискуссии среди немецких политологов и социологов. Шуберт предложил не очень распространенное в Европе прагматическое обоснование теории политики с опорой именно на классиков американского философского прагматизма – Ч. Пирса, У. Джеймса, Дж. Дьюи и др. В заключительной главе своей работы, которая и представлена в нашем номере впервые в переводе на русский язык, выполненном С. Климовичем, Шуберт показывает, какие следствия прагматический подход может иметь непосредственно в сфере методов политических и социальных исследований.

В нашей «Библиографической лоции» дано реферативное изложение теории социального морфогенеза и рефлексивности Маргарет Арчер, а также аннотированная библиография ее основных работ.

Там же мы представляем только что вышедшую книгу Вадима Цымбурского, его *magnum opus*, восстановленную по оставшимся рукописным заметкам большую часть его докторской диссертации о морфологии российской геополитики и развитию международных систем.

Желаем нашим читателям найти в ежегоднике немало полезного для своей работы и ожидаем отклика в виде обратной связи. Включайтесь в работу нашего Центра перспективных методологий и ежегодника МЕТОД.

Список литературы

- Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2010. – Вып. 1. – С. 360–412.
- Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии. Ч. 1. – М.: МГИМО, 1995. – 112 с.
- Ильин М.В.* «Объективность» реальности и «субъективность» действительности: Краткий комментарий к статьям М. Вебера и К. Палонена // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2010. – Вып. 1. – С. 434–437.
- М.В. Ильин.* Методологический вызов. Как вообразить еще не познанное? Как понять самому и представить другим познаваемое? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2016. – Вып. 6. – С. 6–12.

- Золян С.Т. Семиотика как органон гуманитарного знания: Возможности и ограничения // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2015. – Вып. 6: Способы представления знаний. – С. 74–89.
- Кант И. Сочинения: в 6 т. – М.: АН СССР: Мысль, 1966. – Т. 5. – 564 с.
- Палонен К. «Объективность» как «честная игра». Веберовское переопределение нормативного понятия // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2010. – Вып. 1. – С. 413–433.
- Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1985. – Т. 2. – 560 с.
- Патцельт В.Дж. Проблематичный интерфейс: Биология и сравнительная политология // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2016. – Вып. 6. – С. 13–32.
- Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. – М.: Логос, 2000. – 448 с.
- Пришеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. – М.: РОССПЭН, 1999. – 319 с.
- Трансдисциплинарные органы гуманитарного знания: Дискуссия на пленарном заседании «Интеграция гуманитарных и естественно-научных знаний: Информационные подходы» Седьмых гуманитарных чтений РГГУ // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – М., 2015. – Вып. 6. – С. 109–117.
- Churchill W. Speech, House of Commons, November 11, 1947 // Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897–1963 / Ed. Robert Rhodes James. – N.Y.: Chelsea House Publishers, 1974. – Vol. 7. – P. 7566.
- His Majesties Answer to the XIX Propositions of Both Houses of Parliament. – London: Rob. Barker a. by the Assignes of J. Bill, 1642. – 30 p.
- Jakobson R. Linguistics. Relationship between the science of language and other sciences. Main trends of research in the social and human sciences. – The Hague: Mouton, 1970. – P. 419–453.
- Kant I. Kritik der praktischen Vernunft // Kant I. Gesammelte Schriften. – Berlin: Reimer, 1913. – S. 1–163.
- Locke J. An essay concerning human understanding. – Amherst, N.Y.: Prometheus books, 1995. – 624 p.
- Peirce C.S. Writings of Charles S. Peirce: A chronological edition. – Bloomington: Indiana univ. press, 1982. – Vol. 1: 1857–1866. – 736 p.
- Przeworski A. Democracy and the market: Political and economic reforms in Eastern Europe and Latin America. – Cambridge; N.Y.: Cambridge univ. press, 1991. – 210 p.
- Rothschild F.S. Laws of symbolic mediation in the dynamics of self and personality // Annals of New York Academy of sciences. – N.Y., 1962. – 96. – P. 774–784.
- Tilly Ch. Contention and democracy in Europe, 1650–2000. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2004. – 305 p.
- Weston C.C. Beginnings of the classical theory of the english Constitution // Proceedings of the American Philosophical Society. – Philadelphia, 1956. – Vol. 100, N 2. – P. 133–144.
- Weston C.C. English constitutional doctrines from the fifteenth century to the seventeenth: II. The theory of mixed monarchy under Charles I and after // The English Historical Review. – L., 1960. – Vol. 75, N 296. – P. 426–443.
- Weston C.C. English constitutional theory and the House of Lords 1556–1832. – L.: Routledge, 2010. – 304 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдонин Владимир Сергеевич – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела политической науки ИНИОН РАН. E-mail: avdoninvla@mail.ru.

Адилбаев Тимур Шарипбаевич – аспирант НИУ ВШЭ. E-mail: adilbaeff@mail.ru.

Беземер Джефф (Jeff Bezemer) – доктор философии в области прикладной лингвистики, доцент в области обучения и коммуникации, содиректор Центра мультимодальных исследований, Института образования Университетского колледжа Лондона, Университетский колледж Лондона (Великобритания). E-mail: j.bezemer@ucl.ac.uk.

Буданов Владимир Григорьевич – доктор философских наук, зав. сектором междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН. E-mail: budsyn@yandex.ru.

Демьянков Валерий Закиевич – профессор, доктор филологических наук, зам. директора по научной работе и зав. отделом теоретического и прикладного языкознания Института языкознания РАН, зав. кафедрой Московского педагогического государственного университета. E-mail: vdemiank@vdemiankov.msk.ru.

Джюитт Кэри (Carey Jewitt) – доктор философии в области образования, профессор в области технологии и обучения, директор Лаборатории знаний Университетского колледжа Лондона, Институт образования Университетского колледжа Лондона, Университетский колледж Лондона (Великобритания). E-mail: c.jewitt@ucl.ac.uk.

Диамантопулу София (Sophia Diamantopoulou) – магистр музееведения, кандидат на присуждение степени доктора философии в области музейного образования, учебный ассистент, Университетский колледж Лондона (Великобритания); временный лектор, Лондонский университет Метрополитен (Великобритания). E-mail: sophia.diamantopoulou.14@ucl.ac.uk.

Золян Сурен Тигранович – доктор филологических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия, ведущий научный сотрудник, Институт философии, социологии и

права НАН РА, Ереван, Армения, ведущий научный сотрудник.
E-mail: surenzolyan@gmail.com.

Ильин Михаил Васильевич – доктор политических наук, руководитель Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН, профессор НИУ ВШЭ, профессор МГИМО (У) МИД России. E-mail: mikhaililyin48@gmail.com.

Кеестра Михаэль (Machiel Keesstra) – доцент Университета Амстердама (Нидерланды), президент Ассоциации междисциплинарных исследований. E-mail: M. Keesstra@uva.nl.

Киосе Мария Ивановна – доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики АНО ВО «Международный институт менеджмента ЛИНК».

Коротаев Андрей Витальевич – доктор исторических наук, профессор РГГУ, главный научный сотрудник Института востоковедения и ведущий научный сотрудник Института Африки РАН. E-mail: akorotayev@gmail.com.

Кочедыков Иван Евгеньевич – аспирант НИУ ВШЭ.

Кресс Гюнтер (Gunther Kress) – доктор филологии, Университет Ньюкасла (Австралия); профессор в области семиотики и образования, содиректор Центра мультимодальных исследований, Института образования Университетского колледжа Лондона, Университетский колледж Лондона (Великобритания). E-mail: g.kress@ucl.ac.uk.

Кучинов Артемий Михайлович – аспирант Института Социологии РАН. E-mail: arkuchinov@yandex.ru.

Маверс Дайан (Diane Mavers) – доктор философии в области образования, почетный научный сотрудник Института образования Университетского колледжа Лондона, Университетский колледж Лондона (Великобритания). E-mail: d.mavers@ucl.ac.uk.

Межуев Борис Вадимович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории русской философии МГУ, соредактор портала Terra America. E-mail: borismezhuev@yandex.ru.

Моисеев Вячеслав Иванович – доктор философских наук, профессор; зав. кафедрой философии МГМСУ.

Мячиков Андрей Викторович – ведущий научный сотрудник Центра нейроэкономики и когнитивных исследований НИУ ВШЭ, Senior Lecturer in Psychology at Northumbria University, Northumbria University, Newcastle, United Kingdom. E-mail: andriy.myachykov@northumbria.ac.uk.

Петренко Виктор Федорович – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, заведующий Лабораторией психологии общения и психосемантики факультета психологии МГУ. E-mail: victor-petrenko@mail.ru.

Постовалова Валентина Ильинична – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора теоретического языкознания Института языкознания РАН.

Походай Михаил Юрьевич – стажер-исследователь Центра нейроэкономики и когнитивных исследований НИУ ВШЭ, Департамент психологии. E-mail: mprokhoday@hse.ru.

Скляр Никита Анатольевич – студент МГИМО (У) МИД РФ. E-mail: niknikic@mail.ru.

Федосеева Дарья Алексеевна – студентка магистратуры НИУ ВШЭ, департамента социальных наук, факультета психологии. E-mail: dfedoseeva@gmail.com.

Фомин Иван Владленович – кандидат политических наук, младший научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН РАН; доцент НИУ ВШЭ. E-mail: fomin.i@gmail.com.

Чилтон Пол (Paul Chilton) – английский лингвист, профессор Университета Ланкастер, ассоциированный исследователь Центра прикладной лингвистики Университета Уорик, почетный профессор Университета Ланкастера. E-mail: linguistics@lancaster.ac.uk.

Шуберт Клаус (Klaus Schubert) – профессор Вестфальского университета им. Вильгельма (Германия). E-mail: klaus.schubert@uni-muenster.de.

**МЕТОД:
МОСКОВСКИЙ ЕЖЕГОДНИК ТРУДОВ
ИЗ ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН**

Сборник научных трудов

Выпуск 7

**ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ
В ОБЩЕСТВОЗНАНИИ**

Дизайнер (художник) И.А. Михеев
Корректор Я.А. Кузьменко
Компьютерная верстка Л.Н. Сиякова

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 12/IX – 2017 г.
Формат 70х100/16 Бум. офсетная № 1
Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 27,0 Уч.-изд. л. 26,0
Тираж 500 экз. Заказ № 207

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997**

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9